

20. Возвращение к месту преступления

Хейдьюк и Абцуг устроились на ночь незаконно (не получив даже разрешения на розжиг костра), в нарушение всех правил, вдали от автострады, у давно закрытой пожарной дороги под сенью осинової рощи.

Они проснулись поздно, и он подал ей завтрак в постель. Пение птиц, солнечное сияние, и т. д., и т. п. После чего она сказала: — Теперь я бы не против чего-нибудь поесть.

Он повёз её в Норт Рим Лодж позавтракать. Это был поздний завтрак, состоявший из апельсинового сока, вафель с пеканом, яичницы-глазуньи, жареной картошки, ветчины, тостов, молока, кофе, ирландского кофе и веточки петрушки. Всё было чудесно. Хейдьюк вывел её на террасу, чтобы показать вид на высокий утёс над Гранд Каньоном реки Колорадо.

— Безупречно, — сказала она.

— Кто видел Гранд Каньон, — видел их все, — согласился он. Они поехали в Кейп Ройал, Пойнт Импераиал и, наконец, в Пойнт Саблайм, где они снова незаконно устроились на ночлег. Когда солнце вполне законно село (на западе), они заглянули вниз, в ущелье глубиной шесть тысяч футов по вертикали, в разверстый зев пропасти.

— По-моему, эта пропасть зевает, — сказал Хейдьюк.

— Я хочу спать, — ответила она.

— Господи, ещё ж только закат. Что с тобой?

— Я не знаю. Давай вздремнём немножко, прежде чем окончательно ложиться спать.

У них и правда был очень активный конец недели. Они снова прилегли, чтобы отдохнуть ещё немного.

Из глубоких, глубоких глубин, оттуда, снизу, ветер донёс плеск стремнины Буше, как дальние аплодисменты. Сухой ствол и пустые оболочки семян юкки трещали на ветру, на краю обрыва, под звёздами. Летучие мыши ныряли вниз головой, летали зигзагами, преследуя насекомых, мгновенно ускользавших от них, спасая собственную жизнь. Где-то в сумраке леса подала голос ночная птица. На фоне празднично-яркого закатного неба взлетали козодои, парили, и кружили, и ныряли внезапно за насекомыми, при этом крылья их издавали звук, похожий на далёкий рёв быка, когда они взвивались вверх после

очередного нырка вниз головой. В глубине леса под тёмной сенью сосен одинокий дрозд позвал — кого? — серебристым высоким зовом флейты. Сосновый поэт. И тут же ему грубо ответила другая птица — клоун, ворон, коростель, — словно фермер сильно высморкался в кулак.

Они передавали её плацебо друг другу, туда и обратно, нарочито медленными — медленными — медленными движениями. Экстаз курильщика марихуаны. Я люблю тебя, Мэри Джейн.

— Слушай, — пробормотал Джордж В. Хейдьюк. Сердце его разрывалось, ум отказывался служить, переполненный всей этой чрезмерной красотой, любовью, нежностью, дурманом, закатом, прекрасным пейзажем, мелодичными звуками леса. — Знаешь, что я тебе скажу, Бонни?

— Что?

— Ты знаешь, мы не должны продолжать вести себя так. Ты знаешь?

Она подняла отяжелевшие веки. — Не должны продолжать — что?

— Не должны продолжать рисковать своими шеями, вот что. Они нас поймают, ты знаешь? Они меня убьют. Они будут вынуждены.

— Что? Кто? Кто это?

— Если мы будем продолжать. Мы можем поехать в Орегон. Я слышал, там есть человеческие существа. Мы можем поехать в Новую Зеландию, разводить овец.

Она приподнялась на локтях. — Ты это мне говоришь? Ты что, с ума сошёл? Ты болен или что, Джордж? Сколько — дай мне сюда косяк — кто ты есть, в конце концов?

Его затуманенные наркотиком глаза смотрели на неё из дальних далей, тёмно-карие зрачки были огромными, как шашки. Как фишки. Грибы. Магические сморчки. Широкая порочная ухмылка медленно расплывалась на его лице, злобная, как волчий оскал в дымно-голубых сумерках.

— Люди зовут меня... — начал он; язык его был толст и неповоротлив, как клубень турнепса, — люди...

— Люди зовут тебя? — спросила она.

Он попытался ещё раз.

— Они зовут меня... человеки зовут меня... — Он положил палец на онемевшие губы. — Шшшшш... Кемо... сабе.

— Дурацкая башка?

— Да, — ответил он, кивая каменно-тяжёлой головой и счастливо улыбаясь. Он рассмеялся и снова утонул рядом с ней. Они погрузились оба, смеясь, развалившись на роскошном пуху её двойного спального мешка.

К утру он очнулся, снова был самым собою, грубым и льстивым, несмотря на то, что голова раскалывалась после марихуаны. — За работу, за работу, — ворчал он, поднимая её. — На этой неделе у нас три моста, железная дорога, карьер, электростанция, две плотины, ядерный реактор, один компьютерный центр, шесть строящихся автострад и одна смотровая площадка. Мы должны позаботиться о них. Подъём, подъём, подъём. Приготовь мне кофе, чёрт тебя поberi совсем, или я отправлю тебя багажом обратно в Бронкс.

— Ты и ещё кто, красавец?

Они поехали на север, из национального парка в национальный лес. Собственность всех американцев, которой управляет для вас ваши друзья (Американская лесохозяйственная ассоциация) лесные рейнджеры. Их медведя Смоки уже убрали. В Джейкоб Лейк они остановились, чтобы заправить топливные баки, пополнить запасы пива (до нормы, говорит Хейдьюк) и отправить несколько обвиняющих почтовых открыток с картинками. И вперёд. Выехав из лесу, Хейдьюк повернул направо, вдоль моноклинали на восток, к красной, как Марс, пустыне долины Хаузрок. Довольные собою и миром, они ехали вниз по пустыне и вверх к плато Кайбито, и на юго-восток мимо Пейджа, чтобы посмотреть, как поживает железная дорога Чёрная гора — Лейк Пауэлл. Спрятав джип у дороги неподалеку от пересечения с каньоном Кайбито, они прошли пару миль пешком под умопомрачительным солнцем страны навахо. Они увидели железную дорогу издалека. Тщательно сориентировавшись, они прошли к высокой гладкой скале, с вершины которой с помощью бинокля можно было рассмотреть, как продвигается ремонт на мосту через каньон Кайбито.

— Электролинию уже восстановили, — отметил Хейдьюк.

— Дай посмотреть.

Она осмотрела в бинокль рельсы, ремонтный поезд, большой зелёный подъёмный кран, поднимающий двутавровые балки с платформы и укладывающий их на уже восстановленные береговые устои моста. Инженеры, технический персонал, рабочие суеились на строительной площадке, как муравьи. Опоры электролинии были восстановлены, сплеснённые провода уже висели над обрушенной частью моста, подавая высоковольтную энергию всем, кто в ней нуждался. Вагоны с углём, наваленные внизу друг на друга, как свалка негодного старья, ждали, когда их восстановят.

— Целеустремлённая организация, — сказала Бонни. Теперь мы знаем, подумала она, как были построены пирамиды, как появилась на свет Великая китайская стена, и почему.

— Электростанции нужен уголь, нужен позарез, — сказал Хейдьюк. — Нам придётся снова их остановить, Абцуг.

Бегом назад, через песчаниковые рифы, с трудом преодолевая песчаные осыпи. Назад, к замаскированному среди редких деревьев джипу. Стайка сосновых соек разлетелась, как

конфетти, при их появлении.

— Инструменты, перчатки, каски, — рявкнул Хейдьюк.

— Какие инструменты?

— Кусачки. Электропилу.

Вооружённые и оснащённые, жуя на ходу вяленую говядину, сушёный инжир и яблоки, они зашагали к железной дороге, но на этот раз к другому её отрезку. Лёжа на животах на гребне дюны, они видели, как ремонтный поезд отправился обратно в Пейдж за новой порцией груза и исчез за поворотом пути. Хейдьюк бросился работать, а Бонни осталась караулить в тени можжевельного дерева.

Он прошаркал по песку к железной дороге, разрезал ограждение для скота, отбросил в сторону накопившийся вал перекасти-поля и шагнул к ближайшей опоре ЛЭП. Она стояла на оттяжках, как и все остальные. Хейдьюк взглянул на Бонни. Она подала ему знак «давай». Он включил цепную пилу и шумно, но быстро сделал глубокий надрез в основании опоры. Выключив пилу, он снова взглянул на Бонни и прислушался. Она посигналила — «всё спокойно».

Хейдьюк побежал рысцой к следующей опоре, проделал ту же операцию и с нею. Окончив, он снова остановил пилу и взглянул на своего караульного. Всё в порядке. Он надрезал ещё три. Они теперь держались только на вантах. Он только было приступил к шестой опоре, как заметил краешком глаза, что Бонни, — она была слишком далеко, чтобы услышать её за визгом цепной пилы, — подаёт ему отчаянные сигналы руками. И в то же мгновение он почувствовал — раньше даже, чем услышал, — ненавистное и пугающее уок! уок! уок! вертолёта. Он выключил пилу, нырнул вместе с нею под откос железнодорожного полотна в кучу мусора, сухого бурьяна и перекасти-поля, что скопилась там в канаве. Скрутившись и съёжившись, страстно желая стать невидимкой, он вытащил свой револьвер и стал ждать огненной смерти.

Вертолёт перевалил через гребень горы, и его звук стал неожиданно гораздо громче, ужасным, безумным. Воздух дрожал, когда машина проходила в сотне футов у него над головой, треща и щёлкая, как птеранодон. Вихревым потоком воздуха Хейдьюка прижало к земле. Он думал, что уже умер, — однако эта штука улетела. Он выглянул сквозь бурьян и увидел, как вертолёт удаляется вдоль полосы отвода на восток, туда, где сходились рельсы. Подпиленные столбы слегка качались ему вслед, но не падали.

Вертолёта не стало. Он подождал. Никаких признаков Бонни; ей ведь тоже пришлось как-то спрятаться. Он подождал, пока не исчезли последние едва ощутимые вибрации — следы воздушной машины. По мере того, как ужас его испарялся, его место занимала старая, привычная, беспомощная и непреодолимая ярость.

Ненавижу, думал Хейдьюк под белым солнцем Аризоны; я их всех ненавижу. В тот момент, когда он услышал приближение этого дракона с пузырьём на носу, одно воспоминание прежде всех остальных чётко вспыхнуло перед его мысленным взором: в Камбодже, у

пыльной дороги, женщина с ребёнком, спаянные напалмом в одну чёрную горящую массу.

Он встал. Вертолёт ушёл. Он помахал Бонни, поднимавшейся из-под своего дерева. Иди обратно, посигналил он ей. Она, похоже, не поняла его.

— Иди назад, к джипу, — закричал он. Она энергично затрясла головой.

Он оставил её в покое. Освободившись из кучи перекасти-поля, бросился к полотну дороги и к следующему столбу. Дёрнул пусковой тросик цепной пилы; мотор взвыл. Пила урчала, как кот, легко вгрызаясь в нежное дерево. Сначала наклонный надрез под углом 45°, потом горизонтальный, пересекающийся с первым на полпути, в самой сердцевине столба. Восемь секунд. Восемь секунд. Легко выдернув пилу, он бросился к следующей опоре. И к следующей. Остановился, чтобы оглядеться и прислушаться. Ничего. Никого, кроме Бонни, высоко на краю обрыва, над железной дорогой, в пятистах ярдах от него, почти за пределом слышимости. Хейдьюк подпилит ещё три столба. Снова остановился, огляделся, прислушался. Не слышно никаких звуков, кроме его собственного сердцебиения, струящегося пота, пения крови в ушах. Он снова подал Бонни сигнал — уходи. И снова она проигнорировала его команду. Ладно, подумал он. Потом. Не до того.

Он подпилит одиннадцать опор. Должно быть достаточно. Пора отсоединять ванты. Он спрятал пилу под ближайшим можжевельником и схватил кусачки. С их помощью он начал отвинчивать талрепы, соединявшие ванты с якорем в земле. Двигаясь вдоль электролинии, он ослабил их все. Когда он дошёл до девятой опоры, вся линия подпиленных опор начала наклоняться. На десятой они упали.

Они упали вовнутрь, на пути, под весом проводов, висевших на кронштейнах. За мгновение перед этим Хейдьюк увидел голубую искру в 50 000 вольт, проскочившую одним огромным прыжком расстояние между кабелем и рельсом. Он вспомнил о Боге. И тут прозвенело огромное клэнг! их столкновения, так, словно пятьдесят тысяч роялей одновременно совершили самоубийство. Запах озона.

Вся их Энергия — вдребезги. Он вскарабкался на откос и через дыру в ограждении понёсся на юг, оскальзываясь на камнях, среди изумлённых можжевельников. В правой руке зажата цепная пила, в левой — кусачки. Время от времени он останавливался под прикрытием можжевельовых деревьев, чтобы посмотреть и послушать. Кто-то где-то уже, должно быть, связался с вертолётom по радио, отдавая приказ. Общая тревога.

А где Бонни? Он вглядывался, но её нигде не было видно. Если она перепугалась хотя бы наполовину так, как он, то должна быть уже на полпути к джипу.

Испугана, конечно, но и счастлива тоже. Испугана, но счастлива, думает Хейдьюк, по-собачьи тяжело дыша с высунутым языком. Он пордовал бежать, проскакивая открытые места, задерживаясь под деревьями, чтобы передохнуть, глотнуть воздуха, прислушаться к звукам неба. Чрезвычайно довольный собой, он снова остановился, чтобы вдохнуть. Рядом запела большая чёрная птица с большим чёрным ртом:

Они тебя схватят, Джоуж Хейдьюк.

Они поймают тебя за зад, парень.

Ты не спрячешься. Ты от них не уйдёшь.

Ты не можешь сделать ничего такого, чего они не знают.

Они на дорогах, ищут тебя.

Они подъезжают по рельсам, ищут тебя.

Они в компьютерных центрах, отслеживают тебя.

Они в небесах, ищут тебя.

Ты пойманный гусь, Джоуж Хейдьюк. Ты сломанный бич.

Ты никчемный неудачник, вот. Да!

Он швырнул камень в большеротую птицу. Она снялась с ветки, взвизгнув, как клоун.
Тяжело хлопая крыльями, издавая тяжкий, тяжкий, тяжкий звук ...

Уок уок уок

Уок уок уок

УОК УОК УОК УОК УОК УОК УОУК УОК УОК

Они в небе.

Они ищут тебя.

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:07:16

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:07:35